

18+

СВАТКОВСКИЙ СЕМЁН
ПОДЫНИГЛАЗОВ АНТОН

ВСЕКОНЧАЛ

НЕВЕРОЯТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ИНЖЕНЕРА
АЛКОГОЛИКА
И СЕРДЦЕЕДА
В ОДНОМ ЛИЦЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Антон Подыниглазов
Семён Сватковский**

**Всекончал. Невероятные
приключения
инженера, алкоголика и
сердцееда в одном лице**

Серия «Вселенная Всекончала», книга 1

*<https://litres.ru/74464674>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Книга «Всекончал. Невероятные приключения инженера, алкоголика и сердцееда» — это взрослое юмористическое приключенческое фэнтези, где пьяный гном-инженер случайно спасает королевства, совращает королей, попадает в самые невероятные приключения. С честным юмором, откровенными сценами, живыми диалогами, политическими интригами и героем, который решает проблемы не мечом, а смекалкой и случайностью.

Это классическое фэнтези-приключение про гнома — таких историй сегодня на книжных полках почти не встретишь. А всё потому, что мы любим приключения не за пафос

и не за предсказуемых героев, а за честные, порой совсем непреднамеренные геройства, которые случаются с теми, кто просто хотел выпить, починить механизм и не влипнуть в очередную передрагу.

Содержание

Глава первая	5
Лич и кости	11
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Всекончал. Невероятные приключения инженера, алкоголика и сердцееда в одном лице

Глава первая

«Мозг его – словно камень, в который ударила молния: трещины есть, но порядка в них нет. Однако не спеши смеяться. Орк живёт, человек выживает. Я видел орка, который три дня сидел под дождём и смотрел на реку. Он не рыбачил, не медитировал. Он просто сидел. Когда я спросил зачем, он ответил: «Вода течёт – хорошо. Не течёт – тоже хорошо». Я ушёл. Мне стало не по себе». Из свитка «О народах южных пределов», найденного в руинах древнего святилища. Предположительно – записки странствующего друида.

Мастерски увернувшись от летящего над головой предмета бытовой утвари, гном молодецки присвистнул, и гыгыкнув прокричал:

– Ну ты ик-х... и... мазила. Тебя отец учил так бросаться? Не удивлюсь, если он был придворным писарем, который в жизни ничего тяжелее пера и... ик-х... не поднимал.

Раскинув в стороны широкие руки, напоминающие толстые стволы поваленных и замшелых деревьев, за гномом гнался разъярённый орк. Играя мышцами под зелёной кожей, что перекатывались, словно змеи под студенистой гладью болота, он с явной досадой и злобой взирал на Всекончала.

– Ну усе, гыном! Конец твой-й-й будет сыводня ОТОРВАН! – с яростным воплем, провозгласил орк, отталкивая

стул, в котором застряла его нога.

– Что ты так расстраиваешься, Горкх? Это всего лишь игра, ничего б... ик-х... больше успокойся, нормально же общались!

Стол перевернулся первым – с грохотом, треснув посередине, рассыпая по полу кружки, кости, разливая лужицы дешёвого эля. Всекончал кубарем прокатился по его липкой поверхности, уворачиваясь от орчей руки, которая с хрустом вонзилась в деревянную столешницу.

– Дьявол бы побрал эту натуру, вечно взрывающихся характеров орков! – мелькнуло в голове гнома, когда он, отталкиваясь от опрокинутой бочки с солёными огурцами, полетел напрямик под барную стойку.

Трактирщик – здоровенный детина – только успел было открыть рот для протеста, как гномья голова впечаталась ему в живот, а вслед за ним на барную стойку рухнул разъярённый орк, успевший по пути зацепить полку, с дорогушим, для подобных заведений, виски. Правая петля полки слетела с гвоздя, отчего бутылки, одна за одной начали соскальзывать со столь ненадёжного предмета мебели и с громким звоном попадали на пол. Бедный трактирщик, поняв, что утихомирить гостей не получится, потирая живот и активно пыхтя, прятал все ценные вещи, которые мог утащить от ослеплённого проигрышем Горкха.

Сидевшие в таверне посетители, не забывая отпускать комментарии, громко хохотали, наблюдая за погоней орка за

гномом, со стороны было больше похоже на погоню кота за мышью. Огромного зелёного кота за бородатой, коротконогой мышью...

– Сбоку, сбоку заходи. Эх, опять промах! – кряхтел старик с заплывшими от эля глазами. – Такмест этих гномов, а ну-х.

– Ставлю одну крону на гнома, что Горкх даже не заденет его пальцем. – провозгласил, по-видимому, торговец, звякнув монетой по древку стола. – Кто играет супротив? – спросил он у хохочущей в бороды кампании дворфов.

Тем временем Всекончал, вынырнув из-под стойки с бутылкой пива в одной руке и украденным куском пирога в другой, метнулся к выходу, но путь преградила шеренга внезапно появившихся барных стульев. Орк, тем временем, выбрался из-под обломков мебели, потрясая в воздухе кулаком, с которого свисал жалкий клочок некогда гордой этикетки коллекционного виски.

– Ты-ы-ы... журнич... жрульнич... жульничал, гыном! – ревел Горкх, снося по пути стол с картёжниками, которые тут же, не теряя присутствия духа, начали собирать рассыпавшиеся монеты, пока те летели по воздуху.

Всекончал, недолго думая, запустил бутылкой в висящую над баром люстру – старинную, медную, очень дорогую – и когда та рухнула на орка, вызвав эффектную вспышку искр, воспользовался моментом и нырнул в кухонный проход, где на бегу успел схватить жарящуюся курицу и опрокинуть котёл с похлёбкой прямо на ворвавшегося следом трактирного

кота.

Горкх грузно приземлился на ступень, у выхода из таверны, после получаса беготни и разгрома, и с крайне печальным взглядом смотрел в пустоту. Рядом, не менее уставший от беготни, присел гном.

– Да ладно, ладно тебе... – с одышкой протянул он, хлопая орка по предплечью. – Не буду я брать твою дубину. Всё равно не смогу ей полноценно орудовать.

– Не заберёшь... мой постук? – поднял на него полные непонимания глаза орк. – ХЫ! Ну и отлишно, хороший гыном! ХА! Будет ой да хороший застолье! – видимо, Горкх имел в виду, что крайне рад, что не потеряет проигранную гному любимую дубинку. – Айда заходи потом ко мне! Бум пить с братом. Мы, этно, тама, за перелеском сели. Усе, я ушёл, бывай, гыном.

С этими словами Горкх поднялся, потянувшись и встряхнувшись, как пёс, забрал свою дубину и направился куда-то в сторону от лесной таверны, периодически подпрыгивая от радости, неся перед собой кусок коряги, которую он ласково называл – постук.

– Да, да, конечно, выпьем! – Всекончал помахал зеленокожему.

– Надеюсь ты к чертям собачьим забудешь дорогу в эту таверну, потому как обыграть тебя, дебила, при помощи подкрученных костей – три минуты, а бегать от тебя потом в де-

сять раз дольше... — добавил гном уже тише, достав те самые кости и начав перебирать их в руке: — Эх... сколько лет назад я их смастерил... сто тридцать, кажется... За всё время лишь раз подвели...

Лич и кости

*«Сидел наш гномик, раз в трактире, За час пил
десять литров пива! Подрался с троллем за бочонок
— А тот выигрывал, сучонок! Кидал он кости, пиво
пил, В вонючем склепе — лич там жил! Тот лич в
азарте бился лбом, И демон плакал под столом. А
гном весь в синяках сидел, Опять устроив беспредел!
Колдун в итоге проиграл — И, злой, рецепт ему
отдал»!*

*Из хроник Альдрамиса, записанных со слов бродячего
менестреля, что пел эту песнь на площади в день
осеннего равноденствия.*

Ночные ветра, тяжёлые и сырые, как дыхание леса, выдыхающего стужу из своих древесных лёгких, трепали спутанные космы гнома, прижимая их к липкому от пота лбу. Луна – жёлтым обломком – висела в колючем звёздном крошечье, цепляясь мутным светом за вершины, превращая живые кроны в неподвижные, застывшие силуэты... В вышине, там, где ветки смыкались в готические арки, кто-то ворочался, шуршал, охал. Изредка тишина рвалась, как старая мешковина, и над верхушками прокатывалось глухое, протяжное «ху-у-у-ух», полной досады на того, кто посмел нарушить ночной промысел. Какому-то пьяному гному не жить, не быть нужно распевать свои песни именно в этой области леса.

– Ты! ЭЭЭЙ ТЫ-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы! Ик-х... – орал гном в ночную мглу. – День придумали для охоты. Днём охотиться надо, шальной ты пельмень ухающий. Тупая птица... Ик-х... – подытожил Всекончал.

Деревья вскоре расступились, и взор был открыт на большую опушку леса. Ветер утих. Тишина. Густой, почти осязаемый воздух был пропитан запахом мха и влажной земли. Луна, вынырнувшая из облаков, холодная и безупречно круглая, висела в чёрном бархате неба, заливая всё вокруг мерцающим серебром. Свет струился сквозь редкие облака, ложась на траву россыпью серебряных бликов, превращая капли росы в крошечные зеркала. Деревья позади стояли как

молчаливые стражи – их стволы, испещрённые морщинами коры, отбрасывали длинные, искажённые тени. Ветви, будто чьи-то скрюченные пальцы, тянулись к звёздам, шелестя на слабом ночном ветерке. Где-то в глубине леса вновь кричала сова, и её голос, резкий и одинокий, разрывал тишину, чтобы через мгновение снова утонуть в безмолвии. Трава на опушке была чуть примята – то ли звериной тропой, то ли чьими-то недавними шагами. В воздухе дрожал лёгкий туман, стелящийся над землёй. Если приглядеться, можно было заметить, как в его пелене мелькали огоньки – то ли светлячки, то ли что-то ещё... что-то, что не спешит показываться явно.

Всекончал, втянув своим красным носом холодный ночной воздух остановился, чтобы полюбоваться ночными видами. Харкнув в сторону, брякнув пустым бутылком, он вновь затянул свою песнь, направляясь куда-то на север, отлепляя ото лба прилипшие пряди волос. Тупая, пульсирующая боль сигнализировала, что под глазом начал наливаться фиолетовый фингал, полученный незадолго до выхода. Гном поспорил с троллем, что с одной пощёчины сможет уложить его. Не получилось.

– Как молоток вбивает гвоздь в сухую древесину, одной пощёчины мне хватит, чтоб тебя уложить, Хорус Пам! Спорим? – заявил он, сверкнув пьяной удалью.

Троль по имени Хорус Пам сидел, привалившись спиной к стене. От него несло кислым потом и гнилью, но бла-

го, спектр ароматов перебивала его одежда, насквозь прокопчённая кострами и дымом. Плечи, вдвое шире дверного косяка, медленно развернулись. Тролль повернул голову, глаза маленькие, глубоко посаженные, желтоватого оттенка впёрлись в пьяную физиономию гнома. Раздвинув надбровные бугры, на которых бровей почти не было видно, гыкнул. Бородавка на его носу дрогнула от сдержанного смеха.

– Ты? Меня? Ха! – он обнажил жёлтые клыки, поворачиваясь к гному передом. – Давай, птах. Только потом не ной, что рожа болеть будет.

Собравшаяся братва загготала, став в круг и взирая за пьяным гномом и троллем, чьи размеры были сопоставимы как камушек и гора. Всекончал шагнул вперёд, подобрал ноги, соразмерил дистанцию, замахнулся – с вывертом, с душой и...

ЩЁЛК!

Удар пришёлся точно в скулу. Хорус лишь моргнул. Потом медленно, неторопливо провёл лапой по щеке. Смахнул каплю слюны, застрявшую в складке кожи, и улыбнулся.

– И всё?

Всекончал уже пожалел обо всём. Особенно о том, что Хорус теперь улыбается. Кабак замер в предвкушении очень болезненного урока.

Фингал вновь заныл, а Всекончал ещё пуще прежнего загорланил:

– Сиеэл наш гноомек, раз в трактирэ,

За ча-ас пил дес-сись литров пива!

Подрался с троллем за бооО-О-О-О-О...

Поскользнувшись на сырой траве, гном подкатился, и ночная сырость потянула его в сторону. Ударившись задом о замшелый камушек, гном выругался, но был рад, что перестал катиться по траве. Пытаясь встать, Всекончал опёрся на стоявший рядом какой-то влажный валун. Но алкоголь в его голове был сильнее гравитации. Рука соскользнула и гном с громким:

[illegible]

Не оставляя попыток встать, напрягшись и оттолкнувшись руками от пола, он вновь шлёпнулся обратно, весь мокрый и в грязи. Хотя в склепе и была крошечная тьма, Всекончал непрестанно видел звёздное небо перед глазами, с постоянно вращающимися созвездиями.

Воздух стоял неподвижно, пропитанный запахом пыли, тлена и чего-то... металлического. Возможно, это ржавчина на решётках, а может – слабый отголосок крови, давно впитавшейся в камень. От этих мыслей гнома слегка передёрнуло.

Всекончал ещё немного полежал и поорал. Никто не отозвался.

– Ладно, полежали, можно и честь знать.

Нашупав в кармане небольшой металлический шар с раз-

резом по центру, гном повернул обе его части в разные стороны, и шар раскрылся, обнажив цилиндрический сердечник. Слегка вибрируя в ладони, шар начал излучать холодный свет, отлепляющий тьму от глаз, и вскоре разгорелся ничуть не хуже керосиновой лампы. Склеп оказался большим, и, судя по всему, очень древним. Все ценные предметы были давно вынесены мародёрами, потому перед гномом представали только пустые каменные стены, потолок и пол. Всекончал, наконец, встал, чтобы найти путь обратно. Но тут на глаза попалась металлическая табличка, украшенная узорами из лоз и шишек хмеля, с ювелирно выкованной на ней надписью, на которой красовалось имя Мизраэль Вечный.

– Мизраэль, Мизраэль... МИЗРАЭЛЬ! Точно, это же тот самый тип, о котором я впервые слышу! – натура алкоголика – кутейника победила здравый смысл ещё часа четыре назад, так что гном даже не сомневался в том, чем займётся дальше.

«Табличка, украшенная хмельным узором... Хм... Одним глазком я посмотрю и сразу домой. Хотя у меня только один и видит»... – размышлял Всекончал, направляясь к двери, по другую сторону от выхода.

Дверь на вид была неподъёмная. Грубые обтёсанные камни украшали ювелирные наличники, сама дверь больше походила на каменный памятник, что ставят поверх могил. Закатав рукава, гном с силой надавил на дверь, и... Она поддалась! С гулким скрипом и невероятным мотором гномьих сил Всекончал толкал дверь, зажмурившись от напряжения.

Сдвинув, наконец, тяжеленный каменный свод сантиметров на двадцать, и, еле втиснув пузо внутрь, гном прогнулся, прижимая руки к пояснице, громко похрустывая позвонками.

В нос ударил запах скверны. Медленно открыв здоровый глаз Всекончал, посмотрел, что же сейчас перед ним. Это был главный зал склепа, освещённый мерцающими фиолетовыми пламенами, с потолка свисали древние знамёна с символами некромантии из древних фолиантов. В центре – магический круг из костей, исписанный рунами. Хор проклятых душ, стоявший в углу зала, медленно вздымался волной то вверх, то вниз. Скелеты-маги замерли в полупозах незавершённых жестов, их челюсти отвисли, одна так и вовсе отпала, и, с тихим чпоком укатилась куда-то в угол. Призрачные аристократы зашептались, вспоминая, что это за существо и как давно они не видели живых. Ну и во главе всей этой демонической братии стоял, по-видимому, лич, тот самый Мизраэль Вечный. Его пустые глазницы вспыхнули зелёным огнём, а корона из осколков душ зазвенела и опасно накренилась набок.

Отравленное алкоголем сознание, довольно быстро приняло информацию, отчего гном невнятно промямлил:

– Это... того, здрасьте, я, наверное, дверкой ошибся, ну я... эм... пойду.

Лёгкая волна, невидимая, пролетевшая мимо гнома за долю секунды оказалась у двери, захлопнув её моментально, с

таким усилием, что из зазоров выдавило облако пыли прямо на Всекончала, отчего тот, непроизвольно чихнул. Понимая, что, сбежать явно не выйдет, гном решил поступать, как всегда, с холодной головой и рассудительностью. С важным видом он толкнул дверь ногой, рассчитывая, что та приоткроется и останется в таком положении, но дверь даже не шелохнулась. Тогда он уверенным шагом направился к алтарю. Подойдя ближе, споткнувшись о собственную тень, Всекончал громко объявил:

– Ну и мрачновато тут у вас! Давайте-ка светлее сделаем! – и швырнул свой шар, в центр магического круга.

Шар, к несчастью, падения не пережил, сердечник разбился. Светильник гнома содержал магический люмо-кристалл, находящийся в центре полусферы. Магия высвободилась в виде маленьких желто-голубых молний, которые ударили прямымиком в часть рун, после чего магический круг потух. Гости и подчинённые лича, медленно переводили взгляд с гнома на Мизраэля.

Гнома трясла мелкая морось, он дрожал всеми фибрами своей души, но лицо его было неизменным. Он понимал, что как-то надо выбираться из этой авантюры, но как – понятия не имел. Лишь осоловелым взглядом он смотрел на лича, на сорванную церемонию и на гостей.

Бахромка личевского истлевшего подола висела неровно, местами обнажая щиколотки, на которых кожа треснула и разошлась, явив белизну кости. Руки, выпростанные из ши-

роких рукавов, были тонки, лишены плоти, и кожа на них, туго обтянувшая кости, имела цвет старого, выбеленного временем пергамента. Вместо ногтей – жёлтые, заострённые обломки, похожие на занозы. Череп, обтянутый той же мертвячей кожей, не поворачивался, но в глазницах, глубоких и сухих, тлели два зелёных огня. Пальцы на ногах, длинные и узловатые, не касались камня, застыв на расстоянии двух вершков от пола. Лич медленно, видимо, понимая, что перед ним крайне неадекватный гном, подплыл к Всекончалу вплотную. Взяв себя за подбородок костлявой рукой, Мизраэль глядел на него.

– Ополоумевший гном, не сочти за дерзость, но ты сорвал мою Церемонию обновления филактерии. Сегодня ты умрёшь. Но позволь узнать...

«Если у личей существуют лёгкие...» – думал про себя гном. – «То этот имеет самые здоровенные, поскольку столько воздуха в себя собрать».

– Ты **СОВСЕМ КОНЧЕННЫЙ ИДИОТ?** – взорвался негодованием Мизраэль. – Что заставило тебя залезть в мой склеп посреди ночи? Стоит, значит, в отдалении, в лесной глуши старая каменная, склепная, чащоба. В отдалении от любых поселений, деревень. Но нет, ты, тупорылое пропахшее дешёвой бормотухой ничтожество, решил за тридевять земель попереться, чтобы сорвать именно **МНЕ** церемонию! Почему твоё зловонное, живое тело находится предо мной? Твою тупую, гномью башку хотя бы на секунду не отяготила

мысль, что даже если ты забрёл сюда случайно, то лучшим решением было бы просто развернуться и уйти, А НЕ КИДАТЬ СВЕТИЛЬНИКИ В МАГИЧЕСКИЙ, СУКА, КРУГ?

Глаза лича пылали ярким зелёным пламенем, яростно вглядываясь в лицо румяного гнома с заплывшим глазом.

– Я думал у вас тут пирушка... – немного виновато попытался оправдаться Всекончал – А тут тухло, как в могиле.

– Может, потому, что МЫ В СКЛЕПЕ? – лич всё больше выходил из себя.

– Ни эля не предложите, ни сосисочку сочную. Хоть бы в кости играли, скука смертная тут у вас, а не церемония.

– Кости играли? – выражение Мизраэля вдруг приобрело интерес. Несколько мгновений лич изучал стоявшего перед ним и шатающегося гнома, после чего выдохнул и произнёс уже спокойнее.

– Хорошо, гном. Поскольку я могу мыслить, в отличие от тебя, сыграю с тобой в кости. Пожалуй, смогу извлечь из тебя пользу. – добавил он уже тише. – Играю на твою душу и души твоих детей.

– У меня нет детей. – гном глупо улыбнулся, но тут же добавил. – Но! Есть один эльф. Он меня сегодня бесит, потому давай на его душу сыграем. Уверен, он не будет против.

– Нет, гном, тогда мы сыграем только на твою! – огрызнулся на него Мизраэль, одёрнув зацепившийся за выступ камня в полу, балдахин.

– А почему на твоей табличке был нарисован хмель? –

внезапно поинтересовался Всекончал.

– О... Давным-давно, когда я ещё был живым, – голос ли-ча холодно скрипел, – готовил я особый эль. Пивоваром был, и неплохим. Мой «Эль Вечности Мизраэля Вечного» знали от гор Норвоса до Золотых полей.

Он медленно проплыл по воздуху, истлевшие полы балахона волочились над полом, не касаясь камня.

– А некромагия... она сама как-то пришла. Сначала – что-бы дрожжи оживлять. Брожение шло вялое, а я хотел крепости, плотности, того самого вкуса, от которого дух захватывает. И однажды ночью, в подвале, прошептал первое заклинание... Дрожжи ожили. Эль забродил так, что бочки застонали. Ух, страху тогда натерпелся. Но отведав...

Он поднял руку с длинными жёлтыми ногтями, разглядывая её с лёгкой, едва уловимой тоской.

– А потом я понял: если мёртвые дрожжи дают такой вкус... что будет, если добавить в сусло то, что однажды дышало? Кости, говорят, дают горечь. Кровь – терпкость. А если взять прах того, кто при жизни любил хмель...

– О, ну, я думаю, хватит да, я понял. – отвлёк его от воспоминаний гном.

Поморгав зелёными огоньками, лич, взглянул на Всекончала. – Ты язык мне тут не заговаривай. Играй, гном!

– Лады! Ставлю свою душу в обмен на твою корону и, эм, рецепт твоего особого эля!

«Не-е-т, ну я, конечно, такое варить не буду, но интересно

же»! – успокаивал сам себя гном.

Громогласно засмеявшись, лич, приказал поставить место для игры. Скелеты тут же притащили откуда-то саркофаг, заменявший стол, и поставили его перед игроками. Притащив два табурета, Всекончал плюхнулся перед саркофагом. Лич очень легко приземлился на предоставленный для него табурет.

– Нотенис, Александёр. – обратился лич к стоящим рядом двум скелетам. Мизраэль телепатически передал им указания, которые гном уловить никак не мог.

Послушавшись, скелеты сняли с шеи свои черепа и подали их Мизраэлю. Шепнув в них заклинание, черепа засияли пурпурным светом изнутри, которого как раз хватало, чтобы осветить крышку саркофага, на котором сейчас будет проходить игра.

– Во что играть будем? – на удивление довольный лич весело глянул на Всекончала и скривил ссохшиеся губы в надменной улыбке.

– В Кринге! – выпалил Всекончал первое, что пришло на ум в надежде, что такой игры и вовсе не существует, а значит, можно будет придумать сколь угодно абсурдные правила, и обыграть недалёкого мертвеца.

– В Кринге? – Мизраэль поморщился. – Это идиотское подобие на игру до сих пор популярно?! Помнится мне, это было любимым развлечением свинопасов... Впрочем, ты, гном, и от свиньи-то по развитию далеко не ушёл... Что ж, пусть

будет Кринге! Нотэнис, объясни правила всем присутствующим, уверен, среди собравшихся здесь уважаемых аристократов многие не знают правил этой мещанской игры!

В тот же миг голова скелета Нотэниса подпрыгнула на месте и заговорила:

– Напоминаю всем собравшимся правила игры Кринге, дабы не было путаниц и недопонимания. Итак, оба игрока кидают по три кости по очереди, задача того, кто кидал первым, расположить номинал выпавшего значения от меньшего к большему, и выкрикнуть названия номинала, названия от одного до шести: хлюпсь, вжмых, блямц, фить-тык, чпоксь и кхекс. После этого второй игрок кидает свои три кости, его задача – расположить номинал, наоборот, от большего к меньшему и также выкрикнуть названия. Их названия от шести до одного: тпрукс, шлёпсь, дзыньк-тяф, хрусьблям, фью-у-уп, и чвяк. Тот кто ошибся, или назвать номинал не смог – получает метку, тот, кто первым набрал три метки – проиграл. Если оба игрока ошиблись – метка не даётся никому. Когда оба игрока сыграли – они меняются местами.

– И так до бесконечности! – провозгласил Мизраэль с довольной ухмылкой, приблизившись к ошалевшему гному почти вплотную.

– Как бы, чаво? – Всекончал, явно находившийся в ступоре, после столь абсурдных правил даже не нашёл что сказать... Но то, что подкрученные кости тут никак не помогут,

гном понял наверняка, что огорчило его сильнее всего, ведь ни одно название номинала он не запомнил.

– Великодушно даю тебе право первого хода, глупый гном – произнёс лич с неким подобием ухмылки.

– Ага, да, эээ... вот, кидаю... – Всекончал потряс кости в руке и кинул и на саркофаг: два, шесть, три.

– Э-э-э-э-э... Шлюм... Шпарк... Чвоньк? – выдавил Всекончал с надеждой.

– А-ХА-ХА-ХА-ХА! – скрежещущий смех Мизраэля заполнил собой склеп. Зрители, явно не желающие расстроить своего господина, также начали хихикать и гоготать, отчего гному стало ещё более тоскливо.

– Моя очередь – произнёс лич, кидая кости – четыре, один, пять.

– Фью-уп, хрусь-блям, тпрукс. – протараторил лич без запинки.

– Смотри демона не вызови... – попытался пошутить Всекончал.

– Метка гному! – крикнул череп Нотэниса, оставив колкость Всекончала без какого-либо внимания. – Ваш ход, господин.

– Вжмых, блямц, кхекс – произнёс лич и был, конечно, абсолютно прав: кости показали три, два, шесть.

– Твой ход, гном! – Мизраэль, буквально, светился от радости огоньками глаз.

Всекончал задумался, насколько ему позволило его

нетрезвое состояние: «Так, выкинуть три шестёрки благодаря подкрученным костям я могу без проблем, значит, и название будет одинаковое. Вспомнить бы его ещё».

Активировав скрытый механизм на гранях, он потряс кости для вида и снова кинул их на саркофаг. Кости не подвели: выпало три шестёрки.

– Дрюк... дрюк-дрюк?

– Смотри не кончи, Всекончал. – сострил Мизраэль, и склеп вновь наполнился скрипящим смехом.

– Несите эля этому гному! Пусть выпьет перед погибелью. – приказал Мизраэль Вечный своим приспешникам, вдоволь насмеявшись.

Два скелета, чьи кости гремели, как мешок с кастрюлями на ступеньках, пробирались в другой конец длинного склепа. Их безголовые тела ощупывали каждую трещину в камнях, каждый угол, где могла завалиться забытая бутылка эля, которая могла бы подойти живой душе. Один неуклюже перевернул урну с прахом, подняв облако пыли, отчего его напарник чихнул – что было особенно впечатляюще, учитывая отсутствие у него не только лёгких, но и рта. Второй скелет, решив проявить инициативу, залез рукой в древний саркофаг и тут же выронил оттуда чей-то позвоночник. Кости рассыпались по полу с таким грохотом, что где-то вдалеке с перепугу закричала летучая мышь.

Не обращая внимания на хаос, скелеты продолжили поиски: один засунул шею в разбитый кувшин, а второй тряс

над собой полуистлевшим гобеленом в надежде, что оттуда капнет хоть капля хмельного напитка. Внезапно один из них наступил на собственную отвалившуюся ногу, рухнул на каменный пол и разлетелся, как конструктор, брошенный нетерпеливым ребёнком. Его товарищ, вместо того чтобы помочь, замер, заинтересовавшись внезапно отскочившим ребром – уж не бутылка ли это? Увы, всего лишь кость. Собрав рассыпавшегося напарника, почти правильно, лишь с одной лишней лопаткой, дуэт продолжил поиски, теперь уже методично роняя друг на друга черепа, ломая древние фрески.

– УВОЛЮ К ЧЕРТЯМ! ОНА СТОИТ НА АЛТАРЕ. – проорал на них лич. – Говорила мне мама, не нанимай себе скелетов, возьми лучше зомби, у них мозгов хоть сколько-то есть...

Всекончал, изрядно отрезвевший, был крайне рад перспективе отведать эля с особой выдержкой в пару сотен лет, но понимание того, что он может не выбраться из этого склепа, также стучало в его черепной коробке. Но он не умрёт здесь. Нет-нет-нет. У гнома на смерть совсем другие планы.

– Ваша выпивка, господин гном – продекларировал череп, стоящий на саркофаге, когда безголовое тело смогло-таки разобраться с управлением и донести бутылку до Всекончала.

Гном взял бутылку в свои трясущиеся, не то от страха, не то от похмелья руки, откупорил пробку, и был уже готов как

следует пригубить перед решающим раундом, как Мизраэль его осёк:

– Ту-туту! Гном, притормози. Это особый эль. Название его... – начал рассказывать лич, но Всекончал уже намертво присосался к горлышку бутылки.

Плотная жидкость потекла по глотке гнома в недра его нутра. Тепло и жар моментально растеклись по его, уже привыкшему к хмельному, телу и резко, как удар колокола, влетело в его голову.

– Ух йо! – перебил лича Всекончал. – Крепкое пойло, ик-х... Чаво ты там рассказывал-то? – окосевшее лицо гнома, и без того выглядевшее глупо, от его заплывшего фингалом глаза, выглядело ещё пьянее и глупее.

– Эль Вечности Мизраэля Вечного... – сказал лич, явно обиженный. – Крепче этого эля, тебе в мире не сыскать. Даже драконы пьянеют от одного глотка этого напитка. Пить его нужно строго в рюмках и раз в день, а ты, красная морда, **ВЫСОСАЛ РАЗОМ ПОЛ БУТЫЛЯ!**

– Хээээ, ик-х, хоршо-о... – видимо, от многолетнего опыта пьянства и разгульной жизни, Всекончал всё ещё мог сидеть и даже продолжать игру, будь он обычным человеком, его бы уже пришлось соскребать с крышки саркофага, только чтобы туда же и сложить. Но Всекончал есть Всекончал.

– Ходи, пьянь, если ещё можешь. – проскрипел лич сквозь зубы.

– А чё-ёж не магу, магу-у! – протянул осоловевший гном,

кинув кости наотмашь: – А тута ясно всё-ё, ух, ик-х!.. Тута, значитя тпрукссс-шлёпсссь-чвяк!

– ВОТ ТЫ И ПРОИГРАЛ, ГНОМ! – с ликованием взревел Мизраэль.

– Господин, номинал был назван верно – с некой опаской и очень тихо сказал череп Нотэнис.

– Что? – Лич был явно ошарашен таким поворотом событий. – Неважно, сучьему карлику просто повезло, мой ход!

Мизраэль магией подкинул кости, те, упав на стол, показали: один, один, четыре.

Всекончал уже плохо соображал, где он, кто он и почему мир вокруг плывёт. Но упрямство – последнее, что у него не отняло похмелье. Он выудил одну из своих костей, прицелился и с пьяной грацией швырнул её в сторону сидящего напротив Лича.

Кость попала точно в раскрытую грудную клетку Мизраэля. С первого раза. Даже не звякнула о рёбра – сразу нырнула внутрь, в пустоту, где когда-то билось сердце.

Лич замер. Глаза его, два холодных огня, моргнули. Потом он дёрнул плечом. Потом ещё раз.

– Хлюпсь, – выдавил он. – Хлюпсь, хлюп... хах...

Кость внутри зашевелилась. Зачесалась. Заходила ходунном по рёбрам, будто живая.

– Хлюпсь, хлю... хах... А-ХА-ХА-ХА!

Мизраэль схватился за грудину, согнулся пополам и захохотал. Громко, раскатисто, на весь склеп. Из пустых глазниц

вместо слёз посыпались искры. Он трясся, сотрясался, бил костлявыми ладонями по каменному полу и никак не мог остановиться.

– Метка господину Мизраэлю! – выдавил из себя Нотэнис как можно тише.

– ЭТО БЫЛО ПОДЛО, ГНОМ! – взревел лич – Ты хоть понимаешь, что... Гном? Гном?!

Увы, Всекончал не слышал ярых потуг Мизраэля, он задремал.

– Тем лучше для меня! – заключил взявший себя в руки некромант. – Пока ты спишь, ты точно мне не помешаешь.

Лич поднял кости над ладонью, не касаясь их. Пальцы шевельнулись, магия закрутила их в воздухе – медленно, плавно, будто в водовороте. Лич покрутил, потом бросил на саркофаг. Кости звякнули о камень.

В этот момент Всекончал, задремавший на плите, решил устроиться удобнее. Загорочался, перевалился со спины набок, потом на живот. И всей своей невеликой, но увесистой тушей навалился на саркофаг. Да так, что две из трёх костей с тихим стуком скатились с камня – и исчезли где-то в районе его подмышки.

– Феее... – взгляд Мизраэля выражал целый спектр эмоций, от злости до отчаяния, но больше всего в его бездушных глазницах читалась брезгливость, когда он, аккуратно, двумя своими костяшками – пальцами попытался приподнять руку уже крепко захрапевшего гнома. Тут, неожиданно для всех

присутствующих, и больше всего для самого Мизраэля гном ловко перехватил его руку своей второй рукой, приобнял её и уткнулся в неё сопливым носом.

– Ба, бабулечка, эт ты-ы? – просипел Всекончал сквозь сон.

– КАКАЯ Я ТЕБЕ БАБУЛЕЧКА, ГНОМИЙ ВЫРОДОК?!
– крик лича был слышен, наверное, в самом Альдрамисе –
УБЕРИ ОТ МЕНЯ СВОИ ВОНЮЧИЕ ГНОМЫ СОСИС-
КИ!

– А? Чё? – от такого громогласного ора даже вусмерть пья-
ный гном проснулся – Чё а-арешь, костля-явый, убиваютъ
кого? Так не пережива-ай, тебе это уже... ик-к... не грозит!

– Номинал был назван неверно, ваше несвятейшество...
– заключил Нотэнис. Если бы череп мог вжаться в стол, он,
вероятно, так бы и поступил.

– Твой ход, гном. – зелёные доселе zenки Мизраэля стали
отливать багрянцем, видимо, наливаясь первобытной яр-
остью.

– А мы... играем в чевота-а?

– ДОВОЛЬНО! – Мизраэль вскочил из-за саркофага-сто-
ла, но, взяв себя в руки, продолжил уже спокойнее: – Ты
самый отвратительно невыносимый, неотёсанный, невоспи-
танный тупорылый гном, что мне довелось повстречать за
все свои семь сотен лет жизни... И смерти. Я не желаю ни
играть с тобой более, ни видеть тебя более НИКОГДА! За-
бери свой рецепт, и более никогда не возвращайся, иначе,

клянусь Мором, я и правда заберу твою паршивую душу!

Лич вытянул ладонь. Кости пальцев дрогнули, и в центре ладони вспыхнуло пламя – яркое, зелёное, с синими прожилками. Оно полыхало одно мгновение, осветило склеп, бросило на стены танцующие тени. Потом погасло. Без треска, без запаха, без дыма.

На месте огня лежал свёрнутый в трубку фолиант. Кожаный переплёт, потёртые углы, завязки из грубого шнура. Тот самый рецепт.

– Пассиба, Мизрипизри! – пролепетал Всекончал, ловким движением пьяной руки хватая свёрток. – Ты... Мой самый-ый лучший дру-уг!

Лич сделал пару пассивных руками и монолитная дверь склепа с тяжёлым, гулким, каменным эхом распахнулась.

Проковыляв почти к самому выходу, Всекончал вдруг остановился, повернулся к личу и сказал:

– Я, может, загляну ещё-ё, Мизрипизри! Всё равно я душу продал какому-то пройдохе... За семь медяков, кажется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.